

УДК 371.321.2

Бочкарев Александр Александрович, кандидат философских наук
Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай
Электронная почта: dianyingquhua@163.com

Bochkarev Alexander, Candidate of Philosophical Sciences
Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China
e-mail: dianyingquhua@163.com

ПРОБЛЕМА ОТБОРА КЛЮЧЕВЫХ ТЕКСТОВ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

В статье рассматриваются различные аспекты трудностей отбора ключевых текстов русской культуры для практики преподавания РКИ, обсуждаются критерии такого отбора и оценивается важность включения в минимальный корпус культурно значимых текстов произведений классического русского кино и мультипликации.

Ключевые слова: ключевые тексты русской культуры, преподавание РКИ, критерии отбора, корпус текстов, культурная значимость, кино, мультипликация.

PROBLEM OF RUSSIAN CULTURE KEY TEXTS SELECTION IN TEACHING RUSSIAN AS SECOND LANGUAGE

The article discusses various problems arising during the selection of Russian culture key texts for teaching Russian as second language, selection criteria and underlining the importance of inclusion of classical Russian cinema and animation works in the minimal corpus of significant texts of Russian culture.

Key words: Russian culture key texts, teaching Russian as second language, selection criteria, text corpus, cultural significance, cinema, animation.

Практика преподавания РКИ в иноязычной аудитории явственно показывает, что барьер иностранной культуры оказывается одним из самых труднопреодолимых для учащихся вне зависимости от их возраста, целей обучения и условий процесса обучения. В программах преподавания русского как иностранного на языковых специальностях в иностранных вузах, как правило, существует блок нефилологических дисциплин, направленных на знакомство учащихся с русской культурой. В этот блок могут входить различные дисциплины с различным содержательным наполнением и различными названиями, такие как страноведение, лингвострановедение, лингвокультурология, основы русской культуры, история русской литературы и русского искусства, но во всех случаях этих дисциплин остро встаёт проблема отбора учебного материала. Мир русской культуры представляет собой огромное, фактически безграничное множество текстов различных форм бытования (коммуникативных, фольклорных, литературных, художественных), на основе которых учащиеся должны осваивать основные идеи, представления о мире, устойчивые модели поведения, ценностные установки и другие важные черты русской культуры. Но даже самые благоприятные условия преподавания русской культуры неизбежно ставят авторов учебных пособий, организаторов учебного процесса и

преподавателей-практиков перед задачей отбора необходимого минимума наиболее значимых, представительных и актуальных в плане формирования русской культуры текстов. Указанное множество текстов в русскоязычной научной практике получало различные названия: «сильных текстов» (В. А. Разумовская), «ключевых текстов» (М. А. Литовская), «ядерных текстов» и т.п., однако вопрос номинации в данном случае не имеет серьёзного влияния на понимание сути данного понятия.

К сожалению, в научном сообществе пока не существует внятного определения категории «ключевых текстов»; в имеющихся дефинициях обнаруживается отсутствие ясного критерия. Так, выделяемая в определениях Н. А. Кузьминой *«Такие тексты известны большинству представителей «своей» культуры, обладают высокой информационной энергией, осуществляют энергетический взаимообмен»* [3] и В. А. Разумовской *«Сильные» тексты... обладают высоким энергетическим потенциалом, ... постоянно отдают свою энергию читателям/зрителям и получают дополнительную энергию от читателей/зрителей, которая многократно усиливается вследствие возникающего информационного резонанса* [1] в качестве системообразующей категория «информационной энергии» нам представляется не вполне конкретной и не вполне приложимой к решению конкретной задачи отграничения «сильных» текстов от всех прочих.

Очевидно, что данные тексты должны отвечать трём требованиям: во-первых, это их **вневременной характер**, сохранение актуальности вне зависимости от периода создания. Во-вторых, это культурная значимость, что предполагает **узнаваемость** данных текстов для большей части носителей русской культуры. В-третьих, это **воспроизводимость** данных текстов в системе иных текстов и в речи носителей той или иной культуры. Мы убеждены, что ни одно из вышеприведённых требований не вызовет возражений ввиду их самоочевидности. Но на этом фоне на практике возникает противоречие с **доступностью** тех или иных ключевых текстов для иностранных учащихся и с **национальной спецификой** узнаваемости тех или иных текстов в иностранной среде. Очевидно, что при колоссальной значимости для русской культуры романов Ф. М. Достоевского или поэзии И. А. Бродского, иностранные учащиеся, даже на продвинутом этапе обучения, будут испытывать неизбежные трудности при их освоении. С другой стороны, известно, что в ходе диалога культур один из текстов, даже не являясь «ключевым» и не отвечая предъявляемым выше требованиям, при попадании в иноязычную культурную среду приобретает, зачастую случайным и необъяснимым образом, все черты «сильного текста». Так, в частности, самым узнаваемым русским кинотекстом в Китае является фильм И. Джендубаева «Он – дракон» (2015), а самым цитируемым русским стихотворением – «Если жизнь тебя обманет...» А. С. Пушкина. Указанные противоречия заметно усложняют обозначенную нами выше проблему отбора, которая, несмотря на оживлённую научную дискуссию вокруг данного вопроса, до сих пор весьма далека от решения.

Так, например, в среде преподавателей-практиков распространено во многом справедливое представление о том, что в систему ключевых текстов русской культуры должны входить обязательные для изучения тексты русской литературной классики. Но, например, в практике преподавания РКИ на языковых специальностях в вузах современной КНР на изучение курса «История русской литературы» отводится не более 72 учебных часов; в немалой части вузов данный курс изучается в гораздо более скромном объёме, зачастую на китайском языке, что приводит к необходимости минимизировать всё богатство классического наследия русской литературы до предельно сжатого несистематического набора фактов об авторстве наиболее значимых произведений, их принадлежности к тому или иному литературному направлению, той или иной эпохе. Но и в рамках столь сжатого курса по знакомству с историей русской литературы китайские студенты встречаются с огромным количеством языковых, страноведческих и культурологических трудностей, преодоление которых не предусмотрено ни учебными программами, ни скромными возможностями учебных программ и пособий. Более того, в современном Китае в последние годы резко растёт объём учащихся РКИ на нефилологических специальностях, для которых изучение основных текстов русской литературы не предусмотрено, что существенно затрудняет развитие их коммуникативных навыков, их последующую речевую адаптацию в инокультурной среде.

Ещё одним измерением указанной проблемы связана с тем, что преподавание РКИ предполагает не просто освоение условной суммы знаний русской культуры, но и **формирования осознанных представлений о сходствах русской и родной культуры**, умения выявлять и обсуждать такие проблемы. Даже самое поверхностное решение этой задачи по сопоставлению родной и иностранной культуры может стать мощным катализатором для развития коммуникативных компетенций учащихся, укрепления его речевой уверенности, однако пути к решению данной задачи также остаются неясными ввиду дефицита квалифицированных преподавателей, в равной степени владеющих представлениями о русской и родной для учащихся культурах.

Одним из возможных путей решения перечисленных выше проблем, как нам представляется, должно стать утверждение расширительного подхода к отбору доступного для освоения иностранными учащимися корпуса ключевых текстов русской культуры. Во-первых, в этот корпус необходимо активнее включать тексты детской русской литературы (стихотворения А. Л. Барто, сказки К. И. Чуковского, стихи С. В. Михалкова и С. Я. Маршака, прозу В. А. Осеевой и т.п.). Данные тексты являются своеобразными входными воротами в русскую культуру для её носителей, уровень их культурной значимости и огромной роли в формировании речевых умений, в речевой адаптации иноязычных учащихся является бесспорным, однако их представленность, например, в практике преподавания РКИ в китайских вузах является явно недостаточной; то же можно сказать и о теоретических изысканиях в русле методики преподавания РКИ.

Во-вторых, по нашему глубокому убеждению, явно недооценённой является роль классического русского кинематографа в практике преподавания РКИ. В последние годы в российском обществе происходит постепенная переоценка советского культурного наследия и складывается в целом положительное отношение к советскому кино как пласту русской культуры; в ряде российских вузов (например, в ГИРЯ им. А. С. Пушкина, в МГЛУ и др.) советская киноклассика органично интегрирована в программы обучения иностранных учащихся, однако, например, в вузах КНР гораздо большее внимание приковано к современному российскому кинематографу, имеющему гораздо более низкий уровень узнаваемости, цитируемости и влияние на формирование культурного кода. Мы исходим из убеждения, что кинотексты советской эпохи и по сей день обладают высочайшей актуальностью, являются источниками многочисленных прецедентных текстов, более того, многие из них (речь идёт о высококачественных экранизациях русской классики) в значительной степени облегчают знакомство иностранных учащихся с русской литературой.

В-третьих, крайне недооценённой в плане отбора ключевых текстов русской культуры остаётся классическая советская мультипликация. Данный пласт культуры уникален в том плане, что объединяет высокую степень узнаваемости и цитируемости, характерных для детской литературы, со значительной степенью доступности и удобства для внедрения в практику преподавания, характерных для кинотекстов. В отношении этого культурного пласта существует одно парадоксальное противоречие. В русскоязычной теории и методике преподавания РКИ культурная значимость и дидактическая ценность советского мультфильма не подвергается сомнению, напротив, в ней на основе многочисленных исследований сложился даже своеобразный уникальный «мультдискурс» [4, с. 109]. С другой стороны, в теории и практике преподавания РКИ в Китае практически не рассматривается даже сама возможность использования произведений классической русской мультипликации как учебных текстов, имеющих как языковой, так и культурный образовательный потенциал; общим местом является стигматизация мультфильма как чего-то детского, несерьёзного, содержательно неполноценного. Вместе с тем, наследие классической советской мультипликации уникально, во-первых, в плане высокой степени литературоцентричности, во-вторых, в плане высокой требовательности к воспитательному потенциалу содержания, в-третьих, в плане широчайшего тематического разнообразия: в нём обнаруживаются достаточно глубокие авторские высказывания на тему войны и мира, материального и духовного, гуманистического и антигуманистического, истинных и ложных ценностей. Огромный потенциал использования произведений классической русской кинематографии и мультипликации в преподавании РКИ, по нашему убеждению, должен стать даже не темой отдельных исследований, а полноценным самостоятельным научным направлением.

Отметим, что сниженное внимание специалистов по РКИ к произведениям советской детской литературы, кино и мультипликации во многом связано

с неоднозначным, зачастую необоснованно критическим и не всегда объективным отношением к советскому культурному наследию, бытующему в последние десятилетия в российском научном сообществе. Ещё одним препятствием к утверждению объективной значимости культурных текстов советского периода является переоценка их социально-политической обусловленности и порождённая ей идеологическая конфронтация в российской научной среде. Мы не можем принять таких обобщений современных исследователей: «Содержание отечественного кино определялось отношениями социального порядка, диалектически вскрывая противостояние социум – личность – противоречия между творческой средой и государственными структурами» [5, с. 29] или «В мультфильмах СССР можно обнаружить идеологические установки, ретранслировавшиеся властью через своих агентов: художников, сценаристов, актёров, цензоров» [6, с. 140]. Мы убеждены, что приобретение тем или иным произведения статуса ключевого текста национальной культуры не может быть обусловлено или девальвировано какими-либо социально-политическими обстоятельствами его появления и бытования. В этой связи мы призываем при оценке значимости тех или иных культурных текстов всемерно воздерживаться от впадения в крайности идеологизаторства и вульгарного социологизаторства, отделять политические пристрастия от признания объективного уровня высокой востребованности, актуальности и цитируемости того или иного текста.

Приведённые нами предложения, безусловно, не носят исчерпывающего характера. Отдельной серьёзной проблемой, требующей многостороннего и междисциплинарного рассмотрения, в частности, является проблема отбора русских песен, заслуживших статус ключевых текстов русской культуры. Аналогичные проблемы встают при отборе фольклорных текстов, поскольку в практике преподавания РКИ в различных странах могут встречаться, например, пословицы и поговорки, совершенно утратившие цитируемость в современной русской речи. Этот список можно продолжать, однако мы полагаем, что приоритетными в решении данных проблем должны стать описанные выше принцип единства узнаваемости и доступности, а также отказ от необоснованного ограничения корпуса ключевых текстов, признание необходимости расширительного подхода к его наполнению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Разумовская В. А. «Сильный» русский текст в пространстве восточных культур // VI Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы междунар. науч-практической конф. Иркутск, 6–8 декабря 2022 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; СИ РАН ФНИСЦ РАН/. Иркутск: Издательство ИГУ, 2023. С. 412–417.
2. Литовская М. А. Ключевые тексты русской литературы в программе преподавания русского языка как неродного // Вестник ТГГПУ, 2012, № 2. С. 68–71.
3. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск: ОмГУ, 2009. 228 с.
4. Елистратов В. С., Потёмкина Е. В., Ружицкий И. В. Мультипликация как феномен русской культурной памяти: лингводидактические аспекты // Московский педагогический журнал. 2021. № 4. С. 108–116.

5. Лубашова Н. И., Лухтан А. С. Отечественное кино как сфера культурной коммуникации // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 4. С. 28–29
6. Пироженко О. История в картинках: гендерные репрезентации в советской анимации // Гендерные исследования. 2004. № 12.